

А. М. Сморгочов

САКРАЛЬНЫЕ АСПЕКТЫ РАННЕРЕСПУБЛИКАНСКОЙ ДИКТАТУРЫ

Вопрос о характере и сущности магистратской власти в древнем Риме – среди самых сложных и дискуссионных. Одним из аспектов данной проблемы является оценка значения и роли сакральной составляющей этой власти. Развитие сравнительного религиоведения и этнографических исследований привело к относительно широкому распространению взгляда на власть высших римских магистратов (*imperium*) как магическую в своей основе, обладающую особой сверхъестественной силой (так называемой *mana*), и т.п.¹ Касается это и раннеримской диктатуры, в которой видят особый сакрально-магический характер помимо тех ее функций, что были связаны с религией². Наиболее полно данный тезис представлен Д. Коэном, чьи представления о диктаторской власти будут подробно рассмотрены ниже.

В качестве аргумента сторонники магического характера диктаторской власти указывают на сравнение, сделанное Ливием (VIII. 34. 2): *...dictatoris edictum pro numine semper observatum...* («распоряжение диктатора, всегда соблюдаемое подобно божественной воле»)³. На мой взгляд, предлог про свидетельствует именно о сравнении, а не уподоблении (решений диктатора решениям божества). К тому же указанный пассаж у Ливия посвящен не анализу диктаторской власти, а изложению аргументов, – понятно, сочиненных Ливи-

¹ Одним из первых стал разрабатывать эту теорию Г. Вагеноорт: *Wagenvoort H. Roman dynamism. Oxf., 1947 (esp. p. 59–72); idem. Wesenszüge altrömischer Religion // ANRW. I. Bd 2. B. N.Y., 1972. S. 348–376, bes. 371–372.* Подобные идеи высказывались и ранее: Фюстель де Куланж Н.Д. Древняя гражданская община. М., 1895. С. 165–172 (классический образец исследования, ставшего заложником предвзятой идеи); *Hägerström A. Das magistratische ius in seinem Zusammenhang mit der römischen Sakralrechte. Uppsala, 1929. S. 16–17.* См. также *De Francisci P. Primordia civitatis. Roma, 1959. P. 367–371; Meyer E. Römischer Staat und Staatsgedanke. Aufl. 2. Zürich–Stuttgart, 1961. S. 117. Anm. 6 (историография); Jahn J. Interregnum und Wahldiktatur. Kallmünz, 1970. S. 77; Токмаков В.Н. Сакральные аспекты воинской дисциплины в Риме Ранней Республики // ВДИ. 1997. № 2. С. 48–50.*

² *Hägerström. Op. cit. S. 8. Anm. 2. S. 17. Anm. 2; Cohen D. The origin of Roman dictatorship // Mnemosyne. 1957. Ser. IV. Vol. 10. Fasc. 4. P. 300–318; Magdelain A. «Praetor maximus» et «comitatus maximus» // Idem. *Ius imperium auctoritas. Études de droit romain. Rome, 1990. P. 328 (fatalis dux); Jahn. Op. cit. S. 33; Kunkel W. Zum römischen Königtum // Idem. Kleine Schriften. Weimar, 1974. S. 363; Gusso M. Appunti sulla notazione dei Fasti Capitolini *interregni caus(sa)* per la (pro-)dittatura di Q. Fabio Massimo nel 217 a. C. // *Historia. 1990. 39. 3. P. 296; Дементьева В.В. Магистратура диктатора в ранней римской Республике (V–III вв. до н.э.). Ярославль, 1996. С. 35–36, 46, 50, 100–101; Токмаков. Ук. соч. С. 46.***

³ *Cohen. Op. cit. P. 308; Magdelain. «Praetor maximus»... P. 328; Дементьева. Магистратура диктатора... С. 100–101.*

ем, – диктатора 325 г. до н.э. Л. Папирия Курсора в его споре с начальником конницы Кв. Фабием. Соответственно этот риторический пассаж не может рассматриваться как самостоятельное доказательство, тем более ввиду уникальности такого утверждения Ливия.

Нет никаких данных и в пользу того, что особую магическую силу видели в тех лицах, которых облакали высшей властью. По мнению же Д. Коэна, диктаторами в большинстве случаев назначали экс-консулов, поскольку те уже доказали, что они владели *mana* вместе с *felicitas*⁴. Таким образом, он видит наличие сверхъестественной силы в самих людях. Однако две его ссылки на источники вряд ли могут послужить базой для столь серьезного вывода. В одном случае он цитирует речь Цицерона «О предоставлении империя Гнею Помпею», где тот упоминает *felicitas* Помпея (*De imp. Gn. Pomp.* 28, 47–48). Но насколько оправдано распространять эти представления конца Республики на весь республиканский период? Ведь тогда быстрыми темпами шло формирование культа великих личностей, распространение идей об их избранности и исключительности, в то время как для Ранней республики скорее следует говорить о своеобразном культе общины, общих интересов, весьма ярко представленном даже в период патрицианско-плебейского противостояния: достаточно сравнить характер и масштабы гражданских распрей начала и конца Республики. Конечно, не стоит абсолютизировать и этот тезис, поскольку удачливость и успех руководителя всегда представлялись римлянам не только результатом его опытности и ума, но и знаком особого благоволения к нему богов, связанного с его личностью. Однако это благоволение воспринималось скорее как следствие надлежащего исполнения обязанностей по отношению к богам, а не как имманентно присущее данной личности.

То же самое можно сказать и о втором аргументе, приведенном Д. Коэном со ссылкой на Г. Вагенворта. Речь идет о неожиданном марше Ганнибала на Рим в 211 г. до н.э. Тогда сенат принял решение, чтобы «...все бывшие диктаторы, консулы и цензоры получили империй на то время, пока враг не отойдет от стен» (*Liv. XXVI. 10. 9*). Д. Коэн предполагает, что с помощью этой меры увеличилась внутренняя сила всей *civitas*⁵. Конечно, при желании можно увидеть что угодно и где угодно. На мой взгляд, принятое сенатом решение имело исключительно прагматическую цель – использовать в чрезвычайных обстоятельствах опыт и авторитет бывших высших магистратов. К этой мере прибегли потому, что должностные лица не успевали справляться с проблемами – в силу их количества, а не особой сложности, как это следует из объяснения Ливием причин такого решения: «И поскольку во многих местах (Рима. – А.С.) неожиданно возникали волнения, которые нужно было подавлять, то было принято решение, чтобы все бывшие диктаторы, консулы и цензоры получили империй...» (*ibid.*). Нет никаких данных о возможном подспудном желании использовать магическую силу экс-магистратов⁶, в ином случае следовало бы признать, что они сохраняли эту силу постоянно, что противоречит сути гражданской общины и характеру римской религиозности. Подчеркну

⁴ *Cohen. Op. cit.* P. 308.

⁵ *Ibid.*

⁶ Лишь государственно-правовые основания указанного решения сената рассматривал и А. Магделен – исследователь, склонный как раз подчеркивать сакральные стороны магистратской власти (*Magdelain A. «Auspicia ad patres redeunt» // Idem. Ius imperium auctoritas... Rome, 1990. P. 348*).

также уникальность указанной меры, вызванной уникальными обстоятельствами (*Hannibal ante portas*).

Особый интерес представляют диктаторы, назначенные специально для осуществления религиозных задач⁷. Для Д. Коэна сам факт наличия диктаторов такого типа является аргументом в пользу концепции магического характера ранней римской диктатуры⁸.

Подобных случаев известно немного⁹. Один из них – назначение в 344 г. до н.э. диктатора для учреждения празднеств (*feriarum constituendarum causa*), когда было явлено знамение в виде каменного дождя (*Liv. VII. 28. 7–8*). Ливий указывает на старинный (*vetustus*) прецедент – такое же знамение на Альбанской горе. Нет никаких сомнений, что речь идет о событиях времени правления Туллы Гостилия, когда, согласно традиции, в связи с «каменным дождем» было учреждено девятидневное священнодействие¹⁰. Правда, с тех пор о таком знамении ничего не было слышно. В 344 г. до н.э. применили три чрезвычайные религиозные меры: обращение к Сивиллиным оракулам; назначение диктатора для учреждения празднеств (видимо, по требованию оракулов); осуществление ритуала умилоствивления (*supplicatio*), причем с участием не только римлян, но и соседних народов. По всей видимости, имеются в виду те народы, представители которых вместе с римскими магистратами совершали Латинские священнодействия в честь Юпитера Латиариса на Альбанской горе¹¹, – ведь с ней же традиция связывает первое такое знамение.

Само это знамение довольно часто упоминается в источниках, его можно даже назвать в какой-то степени обывденным, и для его искупления всегда применялось одно и то же священнодействие – *sacrum novendiale* («девятидневное священнодействие»)¹². Ливий особо подчеркивал, что указанный обряд являлся обычным в случае каменного дождя¹³. Поэтому и в его рассказе о событиях 344 г. до н.э. под *supplicatio* следует понимать именно *sacrum novendiale*. В пользу этого вывода свидетельствует и то, что обряд *supplicatio* в том году явно длился не один день, ибо было установлено, в какой день какой народ

⁷ Такой тип диктатуры называется *dictatores imminuto iure* – в этом случае диктаторов назначали для выполнения специального, очень узкого, поручения в отличие от диктаторов *optima lege*, назначавшихся для решения важных и сложных внутри- и внешнеполитических задач. См. Демментева. Магистратура диктатора... С. 41–44, 49–58.

⁸ Cohen. Op. cit. P. 310–312.

⁹ Почти полное перечисление их (пропущена лишь диктатура 322 г. до н.э.) в хронологическом порядке, но практически без какого-либо анализа, см. в ст.: Kaplan A. Religious dictators of the Roman Republic // *The Classical World*. 1973. 67. № 3. P. 172–175. Такого же качества и монография этого автора (*Dictatorship and «ultimate» decrees in the early Roman Republic*. 501–202 B.C. N.Y., 1977).

¹⁰ *Liv. I. 31. 1–4; Fest. P. 186L, s.v. novendiales.*

¹¹ *Varro. LL. VI. 25; Cic. Pro Planc. 23; Liv. XXXII. 1. 9; XXXVII. 3. 4; XLI. 16. 1–5; Dionys. IV. 49; VIII. 87. 6; Strabo. V. 3. 2 (p. 229); Plin. NH. III. 69; Serv. Ad Aen. I. 211. Ср.; Macr. Sat. I. 16. 17.*

¹² *Liv. I. 31. 1–4; XXI. 62. 5–6; XXIII. 31. 15; XXV. 7. 7; 9; XXVI. 23. 5–6; XXVII. 37. 1; 4; XXIX. 14. 4; XXX. 38. 8–9; XXXIV. 45. 8; XXXV. 9. 4–5; XXXVI. 37. 3–5; XXXVIII. 36. 4; XXXIX. 22. 3; XLIV. 18. 6; Obsequens. 2, 3, 44, 51, 54.*

¹³ *Liv. I. 31. 4; XXIII. 31. 15; XXX. 38. 9.* Помимо рассматриваемых событий 344 г. до н.э. еще трижды упомянуто обращение к Сивиллиным книгам, что всегда было чрезвычайной мерой, по поводу продигий, включавших также каменный дождь (*Liv. XXII. 36. 6–9; XXXV. 9. 2–5; XXXVI. 37. 2–6*). Но уже сама многочисленность продигий говорит о том, что не это знамение послужило поводом для такого обращения, хотя оракулы назначали, в числе других искупительных мер, заодно и *sacrum novendiale*.

должен его осуществить: ...ordoque iis (sc. populis), quo quisque die supplicarent, statutus (Liv. VII. 28. 8). По всей видимости, диктатор был назначен для первого проведения, т.е. учреждения, «девятидневного священнодействия», тем более что ни о каких других священнодействиях Ливий не сообщает. Это подтверждает Фест (P. 186L), обозначивший *sacrum novendiale* как *novendiales feriae* – в полном соответствии с титулатурой диктатора (*feriarum constituendarum causa*).

В дальнейшем обряды по поводу каменного дождя осуществлялись, скорее всего, консулами, как можно понять из ряда источников, где упоминаются вместе консулы и *sacrum novendiale*¹⁴. Почему в 344 г. до н.э. назначили диктатора *feriarum constituendarum causa* и где в тот момент находились консулы, прямых указаний нет. Консулы этого года были людьми опытными – у одного это было третье консульство, а у другого второе. Не исключено, что назначение диктатора было вызвано невозможностью для консулов выполнить эту задачу, например, в связи с их отсутствием в Риме из-за военных действий: к сожалению, информация Ливия в целом о 40-х годах IV в. до н.э. весьма кратка.

Назначение диктатора в 344 г. до н.э. для учреждения нового ритуала осталось уникальным, соответственно, такое назначение не свидетельствует об особом сакральном «качестве» диктаторской власти. В другом случае – при учреждении Аполлоновых игр – на всех этапах ключевую роль играл городской претор (Liv. XXVII. 23. 5; 7): в 212 г. до н.э. по постановлению сената (после оракула Марция) он провел их первый раз¹⁵, в 211 г. до н.э. по предложению того же претора сенат принял решение обетовать их ежегодно (Liv. XXVI. 23. 3), а в 208 г. до н.э. претор по приказу, видимо, сената внес на утверждение народа закон о ежегодном праздновании этих игр в определенный день, после чего именно претор принес соответствующий обет (Liv. XXVII. 23. 7), что, собственно, и означало учреждение постоянных игр в честь Аполлона. Следует отметить, что в это время (II Пуническая война) назначение диктаторов для выполнения определенной задачи не было редкостью – всего насчитывается восемь таких назначений (в 216, 213, 210, 208, 207, 205, 203? и 202 гг. до н.э.). Тем не менее учреждение игр в честь Аполлона целиком оказалось делом городского претора¹⁶.

Как видим, в одном случае для учреждения священнодействия решили прибегнуть к чрезвычайной должности диктатора, в другом – решить задачу с помощью претора, хотя повод был куда более серьезным (Ганнибалова война). Все же религия является областью ситуативных реакций на те или иные события и опасения, и порой то, что занимало умы современников, позднейшим историкам кажется малозначимым, а реакция на это – неадекватной. Сакральные акты, которые не являются регулярно повторяющимися, а представляют

¹⁴ Liv. XXV. 7. 9; XXXVI. 37. 3–6; Fest. P. 186L, s.v. novendiales.

¹⁵ Liv. XXV. 12. 2–15; Macr. Sat. I. 17. 27–29. Ср.: Fest. P. 436; 438L, s. v. salva res.

¹⁶ Я взял в качестве примера учреждение Аполлоновых игр, поскольку все этапы этого процесса полностью отражены в источниках. Но и в двух других случаях, в которых известна процедура учреждения ритуалов, она осуществлялась ординарными магистратами. При введении Флоралий (241/238 и 173 гг. до н.э.) – также по Сивиллиным оракулам (Plin. NH. XVIII. 286) – на различных этапах участвовали эдилы и консулы (Ovid. Fast. V. 287–292, 327–330). По Сивиллиным оракулам – из-за неоднократных каменных дождей! – был введен культ Матери Богов и в ее честь учреждены Мегалесийские игры, опять же без обращения на каком-либо этапе к назначению диктатора (Liv. XXIX. 10. 4–5; 11. 1–8; 14. 5–14; XXXIV. 54. 3; XXXVI. 36. 3–5).

собой редкие и уникальные события (как, в данном случае, учреждение ритуала), менее всего подвержены правилам и регулированию.

Несколько раз диктатора назначали для осуществления обычных религиозных обязанностей ординарных магистратов. Из capitoлийских фаст известно о назначении в 257 г. до н.э. диктатора специально для проведения Латинских празднеств (*Latinarum feriarum causa* – CIL. I. Ed. 2. P. 24). Латинские празднества находились в компетенции консулов: объявление дня их проведения и непосредственно само осуществление являлось одной из первых обязанностей консулов (консульярных трибунов) сразу же после вступления в должность, без чего они не могли отправиться в свою провинцию¹⁷. Обстоятельства назначения диктатора в 257 г. до н.э. неизвестны. По всей видимости, объяснение следует искать в событиях шедшей тогда I Пунической войны, которые не позволили консулам совершить необходимые жертвоприношения на Альбанской горе. Но, как и в предыдущем случае, назначение диктатора только для проведения Латинских празднеств осталось уникальным¹⁸.

Отсутствие ординарных магистратов трижды явилось причиной проведения религиозных игр диктаторами. Такая ситуация сложилась в конце 208 г. до н.э. – погибли оба консула. Один из них перед смертью успел назначить диктатора Т. Манлия Торквата для проведения выборов и игр (*dictator comitiorum ludorumque faciendorum causa*)¹⁹ Речь идет об обетных играх по чрезвычайным поводам, так называемых Великих играх. Обычно их обетовал и осуществлял консул или претор²⁰. Приказ устроить эти игры диктатор Т. Манлий Торкват получил сверх того и от сената (*Liv. XXVII. 33. 8*). Религиозное поручение явно было дополнением к основной, политической, задаче, ради которой, собственно, он и был назначен, – проведению выборов²¹. Об этом просил сенат смертельно раненного консула (*ibid. 29. 2–5*), ведь именно диктатор, не интеррекс,

¹⁷ *Cic. Div. I. 18; Ad Q. fr. II. 4a. 2; Ad fam. VIII. 6. 3; Liv. V. 17. 2–3; XXI. 63. 5; 8; XXII. 1. 6; XXV. 12. 1–2; XXXVIII. 44. 8; XLI. 16. 1–3; 5; 7; XLII. 10. 15; 35. 3; XLIV. 17. 8; 19. 4; 21. 3; 22. 16; Dio Cass. XLVI. 33. 4; LIV. 29. 7.*

¹⁸ В конце 49 г. до н.э. Цезарь в качестве диктатора также провел Латинские празднества (*BC. III. 2. 1*), по всей видимости, вместо консулов этого года, бежавших вместе с Помпеем. Но не говоря уже о принципиально ином характере диктатуры Цезаря (и Суллы) по сравнению с раннереспубликанской, Цезарь осуществил священнодействия в рамках своей широкой компетенции, в то время как в 257 г. до н.э. диктатор был назначен для выполнения одной конкретной задачи (*dictator imminuto iure*). Ставшее общим местом в историографии утверждение, что в 49 г. до н.э. имела место диктатура *comitiorum habendorum et feriarum Latinarum causa* (см., например, *Luzzatto G.I. Appunti sulle dittature «imminuto iure»: spunti critici e ricostruttivi // Studi in onore di Pietro de Francisci. Vol. 3. Milano, 1956. P. 417–422*), на мой взгляд, не учитывает, что ограниченные полномочия диктатуры *imminuto iure* не соответствовали ни интересам Цезаря, ни проведенным им мероприятиям. К тому же, если такова была официальная титулатура его диктатуры, к сожалению, не сохранившаяся в фастах, то весьма странно, что о проведении Латинских празднеств не упоминает ни один античный автор кроме самого Цезаря. В любом случае их проведение определялось политической, а не религиозной ситуацией, прежде всего желанием Цезаря придать своим действиям легитимный вид.

¹⁹ *Liv. XXVII. 33. 6–8; 35. 1; XXX. 2. 8; 27. 11*. См. также *Fast. Capit.: dict. [lud.] et c. [c. h.]* (цит. по: *RE. Halbbd 27. 1928. Sp. 1209*). Ср.: *Naevius ap. Varro. LL. V. 153*.

²⁰ *Liv. XXII. 9. 10–11; XXVII. 33. 8; XXX. 2. 8; 27. 11–12*.

²¹ Как и в 49 году до н.э., если признать, что диктатура Цезаря имела ту же компетенцию.

мог в кратчайший срок организовать выборы новых высших магистратов взамен погибших. Провести же игры имел право и претор.

Такую же причину – тяжелая болезнь претора (консулы были заняты на войне) – Ливий (VIII. 40. 2–3) называет и для назначения диктатора для проведения регулярных Римских игр в 322 г. до н.э. Римские игры осуществляли курульные эдилы²² (после учреждения этой магистратуры в 366 г. до н.э.), изначально же, несомненно, консулы (Dionys. VII. 71. 2; 72. 15), один из которых председательствовал на играх и после появления курульного эдилитета (Liv. XLV. 1. 6). У Ливия (VIII. 40) версия о назначении А. Корнелия Арвины диктатором только для проведения игр не вызвала доверия. Сам он явно считал, что тот был назначен для ведения войны с самнитами: всю кампанию Ливий описывает как дело рук диктатора, получившего за свою победу триумф²³. Но и этот вариант традиции не исключает, что в рамках своей более широкой компетенции диктатор попутно провел игры. Впрочем, сама возможность назначения диктатора только для проведения игр не вызывает у Ливия сомнений: несколько дальше в речи, вложенной историком в уста плебейского трибуна П. Семпрония, при перечислении различных должностей республиканского Рима он упоминает диктатора *ludorum causa* (IX. 34. 12).

К названным можно добавить диктатуру 202 г. до н.э., когда диктатор и начальник конницы, назначенные для проведения выборов (Liv. XXX. 39. 4), по решению сената устроили еще и игры в честь Цереры (ibid. 8). Ливий сообщает (ibid.) об этом непосредственно после рассказа об отказе от должности огрешно избранных плебейских эдилов, в чьи обязанности входило осуществление указанных игр²⁴. Связь между данными событиями очевидна и не подвергается сомнению, разве что речь может идти о другой обязанности эдилов – играх в честь Юпитера²⁵. Впрочем, не исключено, что обращение к диктатору было связано с прекращением полномочий ординарных магистратов ввиду окончания административного года и с невозможностью избрания новых (ibid. 5): ведь год завершился в иды марта, в то время как Цереалии проходили в апреле²⁶. Но при любом объяснении причиной явилось отсутствие соответствующих должностных лиц, а проведение игр стало дополнительным поручением диктатору со стороны сената (как и в 208 г. до н.э.).

В контексте данного исследования важно подчеркнуть, что указанные диктаторы назначались для осуществления религиозных задач из сферы компетенции ординарных магистратов. Ничего специфического, характерного только для диктаторской власти здесь нет. Более того, из трех рассмотренных воз-

²² Liv. VI. 42. 12–14; X. 47. 3–4; XXIII. 30. 16; XXV. 2. 8 etc.

²³ Liv. VIII. 38–39; ср. Zon. VII. 26. Анализ с предпочтением первой («религиозной») версии см. Münzer F. Cornelius (№ 122) // RE. Halbbd 7. 1900. Sp. 1295.

²⁴ Dio Cass. XLVII. 40. 6. Цицерон (Verr. V. 36) относит эти игры к обязанностям курульных эдилов. Анализ см. Mommsen Th. Römische Staatsrecht. Bd 2. Aufl. 3. Lpz, 1887. S. 520–521; Sabbatucci D. L'edilità romana: magistratura e sacerdozio // Atti della Accademia nazionale dei Lincei. Classe di Scienze morali, storiche e filologiche. Ser. VIII. Vol. 6. Fasc. 3. Roma, 1954. P. 275–279.

²⁵ Краткое, но весьма содержательное и четкое изложение проблем, связанных с сообщением об этих Цереалиях, см. в кн: Broughton T.R.S., Patterson M.L. The Magistrates of Roman Republic. Vol. I. Atlanta, 1986 (repr. 1951). P. 318. Not. 1.

²⁶ Jahn. Op. cit. P. 144–145. Сохранение диктатором своих полномочий после прекращения полномочий назначившего его консула некоторыми исследователями оспаривается – историографию и контраргументацию см. Деметьева. Магистратура диктатора... С. 90–92; Jahn. Op. cit. P. 148–150 (о том, что касается данного случая).

можных случаев проведения игр диктатором с узкой компетенцией (*imminuto iure*) один весьма сомнителен (322 г. до н.э.), поскольку здесь скорее имела место диктатура для ведения войны (*rei gerundae causa*). В двух других (208 и 202 гг. до н.э.) диктаторы были назначены для проведения электоральных комиций, именно это было их основным поручением, и лишь попутно они в силу своих политических полномочий и по поручению сената осуществили необходимые религиозные ритуалы. Таким образом, их никак нельзя считать диктаторами исключительно для религиозных целей, назначенными в силу особого сакрального значения этой магистратуры. Против последнего утверждения говорит и упомянутое дополнительное поручение со стороны сената касательно проведения религиозных ритуалов.

Самым неоднозначным и спорным примером диктатуры с сакральными целями является избрание диктатора «для вбития гвоздя» (*clavi figendi causa*: Liv. IX. 34. 12). Впервые диктатура с такой компетенцией (и вообще *imminuto iure*) упомянута в 363 г. до н.э.²⁷ Диктатором был избран Л. Манлий Капитолин Империз. В том году из-за непрекращавшейся эпидемии вспомнили о старом, уже забытом обычае вбивать гвоздь в стену храма. Ливий говорит о древнем законе (*lex*), записанном старинными (*priscis*) буквами и в старинных выражениях, который был прибит с правой стороны храма Юпитера Всеблагого Величайшего, где находилось святилище Минервы. Причем слова *vetustus* и *priscus* означают «старинный» не только для самого Ливия (произошедшее три с половиной века назад, несомненно, для него было таковым), но и для современников описываемых им событий, поскольку «...по этому закону консул Гораций посвятил храм Юпитера Всеблагого Величайшего в год после изгнания царей» (Liv. VII. 3. 8). Таким образом, появление обычая Ливий относит к первому году Республики, а в качестве исполнителей обряда далее он называет только консулов (первоначально) и диктаторов, не упоминая царей (*ibid.*). По всей видимости, под законом следует понимать «устав храма» (*lex templi*)²⁸, введшийся вместе с посвящением храма и определявший правила жертвоприношений в нем и другие особенности его статуса²⁹. В изложении Ливия он гласил: «пусть тот, кто является верховным предводителем (*praetor maximus*), в иды сентября вбивает гвоздь»³⁰. Иды сентября являлись днем учреждения (*dies natalis*) храма Юпитера Всеблагого Величайшего³¹. Связь обряда, требовавшего участия высших должностных лиц, именно с этим храмом, средоточием римской государственности и религии, вполне понятна.

Но в этой главе, которую Э. Стюарт Стэвели с некоторой эмоциональностью справедливо назвал *notoriously ill-constructed and confused chapter*, Ливий в действительности изложил две различные традиции, искусственно объединив

²⁷ CIL. I. Ed. 2. P. 20; Liv. VII. 3. 4.

²⁸ Иные мнения см. *Magdelain*. «Praetor maximus»... P. 314 (автор отнес существование этого закона ко времени до дедикации храма Юпитера); *Heuss A.* Gedanken und Vermutungen zur frühen römischen Regierungsgewalt // Nachrichten der Akad. der Wiss. in Göttingen. I. Philol.-hist. Kl. 1982. № 10. S. 451–452 (отрицал существование упомянутого закона, считая его ученой фантазией).

²⁹ Подробнее см. *Сморчков А.М.* Правовой статус и социальная роль храмов республиканского Рима // Древнее право. 2000. № 2 (7). С. 49–50.

³⁰ Liv. VII. 3. 5: ...ut, qui praetor maximus sit, idibus Septembris clavum pangat. Ср. подобное требование Сивиллиных оракулов касательно руководителя ритуала: Liv. XXII. 10. 10 (217 г. до н.э.).

³¹ *Plut.* Popl. 14; ср. *Fast. Amit.* (epulum Iovis).

их³². Одна версия говорит о регулярном обряде и видит в нем способ подсчета лет³³, причем Ливий ссылается на сообщение некоего Цинция, – видимо, антиквара I в. до н.э. Луция Цинция³⁴, об аналогичном обычае в храме этрусской богини Норции в Вольсиниях. Однако регулярный ритуал должен осуществляться ординарными магистратами, чему нет никаких доказательств: в известных случаях (см. ниже) обряд проводился диктатором и носил чрезвычайный характер, как и сама магистратура диктатора. Даже если первоначально, до учреждения диктатуры, его осуществляли консулы (Liv. VII. 3. 8), период этот был весьма краток, а возможные источники сведений о столь давнем времени не могут служить надежной базой для выводов. Строго говоря, сохраненная Ливием цитата из храмового закона не позволяет однозначно говорить о существовании именно регулярного обряда. Трудно представить, ввиду известного римского религиозного консерватизма, чтобы ежегодный сакральный обряд, исполнявшийся руководителями общины, сначала был забыт, потом о нем вспомнили, применили, но не стали возобновлять и практиковать далее. Так что существование ежегодного ритуала кажется мне весьма сомнительным³⁵. Тем не менее регулярный ритуал, приписываемый, как правило, консулам, прямо или косвенно признается исследователями, по крайней мере, для начала Республики, причем даже теми, кто склоняется ко второму варианту традиции³⁶. Среди них многие пытаются обойти недвусмысленное высказывание Ливия о забвении обычая (*intermisso deinde more*) некогда до 363 г. до н.э. и считают, что его высказывание относится не к обычаю как таковому, а лишь к исполнителю, т.е. сам ритуал не прерывался, но осуществлял его не диктатор, как требовал храмовый устав, а консул. Этой гипотезе, сохраняющей регулярный характер ритуала, можно предъявить то же самое возражение: почему же после 363 г. до н.э. не продолжили ежегодно избирать диктатора *clavi figendi causa*, если таково было религиозное требование? Позволю себе приве-

³² Momigliano A. Ricerche sulle magistrature romane // *Bulletino della Commissione archeologica comunale di Roma*. 1930. 58. P. 38–39; *Staveley Stuart E.* The Constitution of the Roman Republic (1940–1954) // *Historia*. 1956. 5. 1. P. 97–98; *Cohen*. Op. cit. P. 305; *Heuss*. Op. cit. S. 452; *Magdelain*. «Praetor maximus»... P. 316.

³³ Liv. VII. 3. 6–7; *Fest.* P. 49L (*clavus annalis appellabatur, qui figebatur in parietibus sacrarum aedium per annos singulos, ut per eos numerus colligeretur annorum*). Ср.: *Cic.* Ad Att. V. 15. 1.

³⁴ Анализ вопроса см. *Heurgon J. L.* Cincius et la loi du *clavus annalis* // *Athenaeum*. 1964. 42. P. 432–437.

³⁵ См. также *Mommsen Th.* Die römische Chronologie bis auf Caesar. B., 1859. S. 178; *Latte K.* Römische Religionsgeschichte. München, 1960. S. 154; *Magdelain*. «Praetor maximus»... P. 316; *Heuss*. Op. cit. S. 451–452.

³⁶ *Любкер Фр.* Реальный словарь классических древностей. Т. 1. М., 2001. С. 439 сл. (*s.v.* dictator); *Herzog E.* Geschichte und System der römischen Staatsverfassung. Bd 1. Lpz, 1884. S. 727; *Liebenam W.* Dictator // RE. Bd 5. 1905. Sp. 383; *Leuze O.* Die römische Jahrzählung. Tübingen, 1909. S. 159–163; *Momigliano*. Op. cit. P. 38–40; *Wesenberg G.* Praetor maximus // *ZSS*. 1947. 65. S. 319. Anm. 2 (такой же вывод по поводу историографии). S. 323; *Siber H.* Römische Verfassungsrecht in geschichtlicher Entwicklung. Lehr, 1952. S. 35; *Luzzatto*. Op. cit. P. 413–414; *Cohen*. Op. cit. P. 305–306; *Gioffredi C.* Sulle attribuzioni sacrali dei magistrati romani // *Jura*. 1958. 9. 1. P. 30–31; *Werner R.* Der Beginn der römischen Republik. Wien, 1963. S. 29–33; *Magdelain*. «Praetor maximus»... P. 317, 321–322, 332–333; *Sohlberg D.* Militärtribunen und verwandte Probleme der frühen römischen Republik // *Historia*. 1991. 40. 3. S. 264–266. Т. Моммзен выдвинул гипотезу, ныне полностью отвергнутую, о столетнем интервале между обрядами вбития гвоздя (Die römische Chronologie... S. 175–179).

сти *argumentum ex silentio*. Уже упоминавшийся диктатор 322 г. до н.э. А. Корнелий Арвина, согласно одной из версий традиции, был назначен для проведения Римских игр, первый день которых приходился как раз на иды сентября³⁷. Но о «вбитии гвоздя», совершавшемся именно в эти иды, не сказано ни слова, хотя в необходимый момент диктатор имелся. Косвенным аргументом служит и то обстоятельство, что во время Августовой реставрации старинных религиозных институтов этот обряд не воспринимался как ежегодный, ибо был поручен не консулам, а цензорам, точнее, тем, кто исполнял их обязанности (*Dio Cass. LV. 10. 4*).

Второй вариант традиции, заслуживающий, на мой взгляд, больше доверия, видит в ритуале вбития гвоздя чрезвычайное магическое средство прекращения беды. Магический прием вполне очевиден: забив гвоздь, «пригвоздить», т.е. прекратить, бедствие (главным образом эпидемию)³⁸. Так было и в 363 г. до н.э. (*Liv. VII. 3. 3*), и в других известных случаях назначения диктаторов *clavi figendi causa* (см. ниже). Никоим образом нельзя ограничиваться указанием лишь на политические причины, как поступает Ф. Мюнцер при объяснении событий 363 г. до н.э. По его мнению, назначение диктатора было вызвано нежеланием патрициев передавать чрезвычайные полномочия и честь одному из первых плебейских консулов и связанному с ним должностью представителю патрициев³⁹. Однако сомнения в сакральной полноценности империя первых консулов из плебеев вполне естественны для традиционного общества и легко объяснимы. Рассказ Ливия о 375–363 годах до н.э. представляет собой по большей части изложение легендарных историй, а не обычное анналистическое повествование. Вероятно, период внутренних смут оказался беден на события, фиксируемые в фастах и других документах. Но в них обязательно должна была быть отмечена свирепствовавшая в те годы эпидемия, погубившая среди прочих и знаменитого М. Фурия Камилла. Такое бедствие не могло не вызвать религиозных опасений, которые заставили прибегнуть к чрезвычайной мере – назначению диктатора для «вбития гвоздя».

Но тем самым не сказалось ли в обращении к диктаторской власти признание ее особой сакральной силы? Несомненно, сказалось, поскольку высшая власть, тем более единоличная и авторитарная, в той или иной степени всегда вызывает чувства, подобные религиозному почитанию. Любое явление представляет собой сложный комплекс противоречивых элементов, и анализ должен выражаться не в отрицании каких-либо из них, а в определении принципиальных основ. В данном же случае смешанное с религиозным почитанием восприятие относится к власти как таковой, а не обусловлено особым качеством («магическим») диктаторской империя. Более того, мне представляется, что назначение диктатора для «вбития гвоздя» стало следствием иного обстоя-

³⁷ Источники и анализ см. *Wissowa G. Religion und Kultus der Römer. Aufl. 2. München, 1912. S. 126, 453–454; Habel P. Ludi publici // RE. Supplbd V. 1931. Sp. 619–620.*

³⁸ Ср.: *Plin. NH. XXVIII. 63* (в то место, которого коснулась голова эпилептика во время припадка, в лечебных целях вбивали железный гвоздь); *X. 154; Colum. RR. VIII. 5. 12*. Упоминание гвоздя в римских поговорках и схожем контексте см. *Plaut. Asin. 156; Cic. Verr. V. 53; Hor. Od. I. 35. 17–20; III. 24. 5–7; Petr. 75*. Анализ римских обычаев и аналогии такого рода магии у других народов см. *Suchier R. Die Nägel in Römergräbern // Philologus. 1873. 33. 2. S. 339–343; Kuhnert. Defixio // RE. Bd 4. 1901. Sp. 2373–2377 (bes. 2374); Cohen. Op. cit. P. 305–306; Latte. Op. cit. S. 154. Anm. 4; Magdelain. «Praetor maximus»... P. 319–321.*

³⁹ *Münzer F. Manlius (№ 54) // RE. Halbbd 27. 1928. Sp. 1172.*

тельства, также порожденного особенностями религиозного мышления. В рассказе Ливия ясно прослеживается сакральный принцип *post hoc ergo propter hoc*: в 363 г. до н.э. старики ссылались на прецедент, некогда (*quondam*) имевший место с участием именно диктатора и по такому же поводу. Обряд тогда, в некие давние времена, «возымел» действие, и поэтому к нему прибегли в схожей ситуации. Сомнительно, чтобы этот неизвестный диктатор был назначен только ради обряда, – как отмечалось, до 363 г. до н.э. нет сведений об избрании диктаторов *imminuto iure*. Соответственно, в рамках своей более широкой компетенции он и осуществил магический обряд, который случайно оказался связан с диктаторской властью. Но эта случайная связь в силу выше-названного принципа религиозного мышления закрепились в традиции и сознании, отнюдь не свидетельствуя при этом об особой магической силе именно диктаторской власти. Показательно, что Л. Манлий Импертиоз, избранный диктатором для «вбития гвоздя», не считал свое назначение чисто сакральным мероприятием и поэтому попытался выйти за рамки первоначальной задачи и начать войну с герниками (*Liv. VII. 3. 9*), т.е. действовал как диктатор с широкой компетенцией⁴⁰. Впоследствии он был привлечен к суду. Источники расходятся в определении характера обвинения, но если отбросить популярный рассказ о жестоком обращении с сыном⁴¹, остаются строгость при наборе (*Liv. VII. 4. 2*) либо сохранение полномочий сверх положенного срока⁴². Попытка расширения задач своей власти в качестве обвинения в источниках не фигурирует⁴³.

Сведения о других немногочисленных случаях избрания диктаторов для «вбития гвоздя», весьма краткие и неоднозначные, не опровергают сделанные выводы. В 331 г. до н.э. Гн. Квинктилия (в фастах – Квинкция) избрали диктатором *clavi figendi causa*⁴⁴ после раскрытия заговора матрон-отравительниц, что было воспринято как зловещее знамение, *prodigium* (*Liv. VIII. 18*). Однако Ливий приводит и версию об эпидемии⁴⁵. Сама история об осуждении 170 и самоубийстве 20 матрон, в том числе патрицианского рода, представлялась ему невероятной (*ibid. 2–3*). В его рассказе встречается уникальное упоминание о

⁴⁰ О единой сути двух типов диктатуры см. *Luzzatto. Op. cit. P. 415–416; Дементьева. Магистратура диктатора... С. 57–58, 94.*

⁴¹ *Liv. VII. 4–5; Cic. De off. III. 112; Val. Max. V. 4. 3; VI. 9. 1; Sen. Ben. III. 37. 4; App. Samn. II; Vir. ill. XXVIII. 1–2.*

⁴² *Cic. De off. III. 112; Val. Max. V. 4. 3.* У Валерия Максима сохранилась традиция, что Л. Манлий задержался со сложением полномочий из-за желания успешно завершить войну. В таком случае либо диктатор легально вышел за рамки назначенной ему узкой задачи, либо, что вероятнее, речь должна идти о диктатуре с широкой компетенцией *rei gerundae causa*, в рамках которой диктатор осуществил религиозную церемонию. О достоверности и источниках этого сообщения Валерия Максима говорить крайне сложно, если вообще возможно, поэтому я и вынес его в подстрочник, хотя оно полностью соответствует моим взглядам, излагаемым в данной работе. Ср. предположение итальянского исследователя Favaro о смешении у Ливия двух традиций: согласно одной из них, Л. Манлий являлся диктатором *rei gerundae causa*, согласно другой – *clavi figendi causa* (цит. по: *Momigliano. Op. cit. P. 41; см. также Luzzatto. Op. cit. P. 412*).

⁴³ *Münzer F. Manlius (№ 54) // RE. Halbbd 27. 1928. Sp. 1178.*

⁴⁴ Так же в фастах: *Hülsem Ch. Neue Inschriften vom Forum Romanum // Klio. 1902. 2. S. 248, 253; Mommsen Th. Das neugefundene Bruchstück der capitolinischen Fasten // Hermes. 1903. 38. 1. S. 116, 123.*

⁴⁵ *Liv. 18. 1–2; ср. Oros. III. 10. 1–2* (здесь имплицитно присутствуют те же две версии событий).

назначении диктатора «для вбития гвоздя» во время какой-то (не названной) сецессии плебеев, что якобы утихомирило мятеж (*ibid.* 12). По мнению Р. Вернера, в силу близости по времени речь идет о диктаторе 368 г. до н.э. П. Манлии Капитолине с соответствующей ситуации титулатурой, известной из фаст, – *dictator seditionis sedandae et rei gerundae causa* (CIL. I. Ed. 2. P. 20)⁴⁶. На мой взгляд, у Ливия скорее всего имеется в виду весьма давняя для современников история: *memoria ex annalibus repetita in secessionibus quondam plebis...* (VIII. 18. 12). Сомнительно, чтобы таковыми воспринимались события 37-летней давности: зачем прибегать к помощи летописей, когда еще было живо немало свидетелей тех событий? Поэтому не исключено, что здесь могла подразумеваться и первая плебейская сецессия 494 г. до н.э., для которой имеется традиция о диктаторе, примирившем патрициев и плебеев (Маний Валерий)⁴⁷. В любом случае – признавать ли 368 или 494 год до н.э. – это был диктатор с широкой компетенцией, а не специально для осуществления религиозного ритуала. В рамках своей более общей задачи он и провел обряд.

Относительно диктатуры 313 г. до н.э. имеются определенные сомнения в ее предназначении именно для «вбития гвоздя». Данной версии, также предполагающей эпидемию в качестве причины избрания диктатора, сам Ливий (IX. 28. 6) не доверяет. Иной вариант традиции утверждает, что диктатора Г. Петелия в этом году назначили для ведения войны с самнитами (*ibid.* 2–5)⁴⁸. Именно как *dictator rei gerundae causa*, т.е. как диктатор *optima lege*, он обозначен в капитолийских фастах (CIL. I. Ed. 2. P. 21), что является важным аргументом в пользу второго варианта⁴⁹.

Еще раз *dictator clavi figendi causa* упомянут в капитолийских фастах для 263 г. до н.э. (CIL. I. Ed. 2. P. 22), но обстоятельства его назначения неизвестны.

Таким образом, исполнение диктатором магического обряда «вбития гвоздя» не может однозначно свидетельствовать о магическом характере его полномочий⁵⁰. Прецедентом послужили два случая (а может быть, речь идет об одном и том же), когда этот обряд был исполнен диктатором в рамках широкой политической компетенции. Поэтому назначение диктатора позднее исключительно для «вбития гвоздя» могло стать следствием случайно возникшей ассоциации между обрядом и диктатурой. Важно и то, что, как считает Ливий (VII. 3. 8), первоначально ритуал «вбития гвоздя» относился к функциям консулов. Принципиальное значение имеет уже само признание возможности такой связи. Соответственно, в этом вопросе также не было существенных различий между диктаторской и консульской властью, пусть даже в известных

⁴⁶ Werner. Op. cit. S. 28. Anm. 1.

⁴⁷ Cic. Brut. 54. Ср.: CIL. I. Ed. 2. P. 189 (элогий Мания Валерия, составленный при Августе); Val. Max. VIII. 9. 1; Plut. Pomp. 13. О роли Валерия в примирении см. также Dionys. VI. 43–44; 57. 2; 58–61; 71; 88. 2–3.

⁴⁸ С этим диктатором Варрон (LL. VII. 105) связал закон об отмене долговой кабалы.

⁴⁹ Мнения против: Beloch K.J. Römische Geschichte bis zum Beginn der Punischen Kriege. В., 1926. S. 70, 409; Magdelain. «Praetor maximus»... P. 318. Осторожная оценка: Münzer F. C. Poetelius (№ 8) // RE. Halbbd 41. 1951. Sp. 1167. В целом традиция о магистратах этого года весьма противоречива, даже в том, что касается личности диктатора (Г. Петелий или Кв. Фабий) и начальника конницы (М. Фолий или М. Петелий): Broughton, Patterson. Op. cit. Vol. I. P. 158; Münzer. Poetelius... Sp. 1166–1167.

⁵⁰ См. также Gioffredi. Op. cit. P. 30–31.

случаях ритуал осуществляли только диктаторы. Нет оснований говорить и об особом сакральном значении личности диктаторов для «вбития гвоздя», чьи имена известны: как справедливо отметил А. Магделен, в первых трех случаях избрали представителей знатных семейств, ничем иным (в том числе политической карьерой) не примечательных, а в последнем – глубокого старика, бывшего консулом 35 лет назад⁵¹.

Обращает на себя внимание, что такого рода диктатуры (для «вбития гвоздя») имели место лишь четыре раза и на протяжении всего лишь ста лет (363–263 гг. до н.э.), причем и они не избежали сомнений в достоверности. Столь же немногочисленны – даже с учетом спорных и косвенных случаев – упоминания диктаторов для иных религиозных мероприятий: для учреждения *sacrum pœvendiale* (одно сообщение), для проведения Латинских празднеств (одно сообщение) и священных игр (три сообщения). На мой взгляд, можно с достаточным основанием утверждать, что, по крайней мере, само избрание диктатора специально для осуществления религиозных ритуалов еще не свидетельствует об особом сакральном характере диктаторской власти. Все эти диктаторы выполняли поручения, которые относились к компетенции ординарных магистратов, прежде всего консулов, а использование диктаторской власти, к тому же редкое, явно было следствием особых обстоятельств. Такие диктаторы ничем не отличаются от других диктаторов для осуществления конкретной задачи (*dictatores imminuto iure*), в частности для проведения электоральных комиссий, которых назначали для выполнения обязанностей, входивших в консульскую компетенцию, если по каким-либо причинам те не могли быть исполнены обычным порядком. Выделение сакральных функций из единого диктаторского империя – явление того же порядка, что и выделение электоральных. Более того, гораздо чаще сенат или народ особым распоряжением поручали исполнение какой-либо задачи религиозного характера ординарным магистратам⁵², не прибегая к назначению диктатора для этой цели.

Важное значение для определения характера диктаторской власти, в том числе в сакральном отношении, имеет анализ процедуры назначения диктатора. Непосредственно акт назначения диктатора, т.е. объявления консулом его имени, обычно обозначался техническим термином *dictio* (*dicere*)⁵³. Единственной помехой могло явиться лишь признание процедуры огрешной, т.е. выполненной с нарушениями ауспий, что вело к отмене назначения диктатора⁵⁴.

О значении религиозной стороны, которая определяла правомочность акта назначения диктатора, свидетельствует обращение к авгурам в 426 г. до н.э., когда возникли религиозные сомнения относительно наличия такого права у консульских трибунов: авгуры разрешили эти сомнения (*Liv. IV. 31. 4*). О том

⁵¹ Magdelain. «Praetor maximus»... P. 318.

⁵² *Liv. XXI. 62. 10; XXII. 9. 10–11; XXV. 12. 12; XXVII. 11. 6; XXVIII. 11. 5; XXX. 27. 11; XXXI. 9. 6; XXXII. 1. 13; XXXVI. 2. 2; XL. 19. 4; 37. 2; XLII. 28. 7; Gell. IV. 6. 2* (текст соответствующего сенатусконсульта).

⁵³ *Liv. III. 26. 6; IV. 13. 12; 13; 17. 8; 21. 9; 10; 23. 5; 26. 5; 7; 8; 11; 31. 4; 5; 32. 7; 46. 10; 11; 56. 8; 57. 5, 6 etc.* См. обобщающие утверждения: *Varro. LL. V. 82; VI. 61; Cic. Rep. I. 63; Dionys. V. 73. 1; Plut. Marcel. 24.*

⁵⁴ *Liv. VI. 38. 9–10; VIII. 15. 5–6; 17. 3–4; 23. 14–17; IX. 7. 13–14; XXII. 33. 11–12; 34. 10; Val. Max. I. 1. 5; Plut. Marcel. 5.* О процедуре см. *Сморчков А.М.* Авгурский контроль над ауспациями магистратов: теория и реальность // АМА. Вып. 12. Саратов, 2006. С. 167.

же говорит и апелляция к авгурским книгам в подспудной дискуссии Цицерона с Цезарем, планировавшим вопреки традиции стать диктатором через претора, как и настойчивое желание Цезаря добиться соответствующего постановления сената и декрета авгурской коллегии (Cic. Ad Att. IX. 15. 2, ср. 9. 3). И те же авгуры в конце 48 г. до н.э. высказали протест по поводу назначения Антония начальником конницы на срок сверх законных шести месяцев (Dio Cass. XLII. 21. 1), пусть это выглядело смешно и неуместно ввиду назначения Цезаря диктатором на годичный срок (ibid. 2). Именно в авгурских книгах сохранилось первоначальное обозначение диктатора как *magister populi*⁵⁵. Таким образом, решение проблем, связанных с определением характера акта *dictio*, лежит в области авгурального права, прежде всего в той его части, которая касалась ауспий и предоставления их магистратам⁵⁶.

Этот акт мог происходить только на *ager Romanus*⁵⁷. «Римская земля» (*ager Romanus*) имела особое значение для осуществления ауспий⁵⁸. Деление земель на категории относилось к авгурскому учению⁵⁹, соответственно в основе указанного требования лежал сакральный принцип, помимо явно заметного политического – держать назначение диктатора под контролем сената⁶⁰. Эти факторы сказались и на запрете – скорее традиционном, чем по закону – для диктатора действовать вне Италии (Dio Cass. XXXVI. 34. 2; ср. Liv. Per. 19).

Другое обязательное условие правомочности акта *dictio* определялось термином *silentium*⁶¹, который относился к авгурскому лексикону, являясь обычным требованием при совершении ауспий. Помимо конкретного указания на необходимость полной тишины при гадании⁶² он служил также более общим, техническим, термином, обозначающим отсутствие любых неблагоприятных знамений⁶³. Еще одним требованием являлось назначение диктатора только ночью (*nocte*)⁶⁴, что довольно необычно для римской политической практики. Дело не во времени проведения ауспий – по поводу своих пред-

⁵⁵ Cic. Rep. I. 63; Sen. Ep. CVIII. 31 (30 – цитирует указанную работу Цицерона).

⁵⁶ Подборку источников с комментариями по поводу сакральной стороны процедуры *dictio* см. *Sini Fr. A proposito del carattere religioso del 'dictator' (note metodologiche sui documenti sacerdotali)* // SDHI. 1976. № 42. P. 420–422.

⁵⁷ Liv. XXVII. 5. 15; 29. 5; ср. Dio Cass. XLII. 21. 1. Иногда для назначения диктатора консула специально отзывали с театра военных действий в Рим: Liv. VII. 12. 9; 19. 9; XXII. 57. 9 (ср. 1); XXIII. 22. 10–11. О первоначальном *ager Romanus* см. Alföldi A. *Ager Romanus antiquus* // Hermes. 1962. 90. 2. S. 187–213; Catalano P. *Aspetti spaziali del sistema giuridico-religioso romano* // ANRW. Bd 16. Teilbd 1. B.–N.Y., 1978. P. 492–494.

⁵⁸ Varro. LL. V. 33; Fest. P. 326L, s.v. Romanus ager; Dio Cass. XLI. 43. 1–2; Serv. Ad Aen. II. 178. Другие источники и комментарии к ним см. Catalano. Aspetti... P. 499–502.

⁵⁹ Ut nostri augures publici disserunt, agrorum sunt genera quinque: Romanus, Gabinus, peregrinus, hosticus, incertus (Varro. LL. V. 33). Анализ этих категорий см. Catalano. Aspetti... P. 493–498; Gargola D.J. *Lands, Laws and Gods*. L., 1995. P. 26.

⁶⁰ Lange L. *Römische Alterthümer*. Bd 1. Aufl. 3. B., 1876. S. 763; Liebenam. Op. cit. Sp. 379; Дементьева. Магистратура диктатора... С. 62.

⁶¹ Liv. VIII. 23. 15–16; IX. 38. 14; Val. Max. I. 1. 5; Plut. Marcel. 5. Ср.: Cic. Leg. III. 9.

⁶² Plin. NH. VIII. 223; Val. Max. I. 1. 5; Plut. Marcel. 5; Fest. P. 268L, s.v. prohibere comitia. Ср.: Fest. P. 56L, s.v. *caduca auspicia*.

⁶³ Cic. Div. II. 71 (*silentium dicimus in auspiciis, quod omni vitio caret*); 72; Liv. X. 40. 2; Fest. 474L, s.v. *silentio surgere*; 476L, s.v. *sinistrum*. См. также выражение *favere linguis*, обозначающее благочестивое молчание при священнодействиях: Cic. Div. I. 102; Sen. Vit. beat. XXVI. 7; Plin. NH. XXVIII. 11; Serv. Ad Aen. V. 71; Fest. P. 78L, s.v. *faventia*.

⁶⁴ Liv. IV. 21. 10; 57. 5; VIII. 23. 15–16; IX. 38. 14; XXIII. 22. 11; Dionys. XI. 20. 3; Dio Cass. VIII. 36. 26.

стоящих действий магистраты гадали как раз после полуночи⁶⁵. Но при назначении диктатора сам этот политический акт мог быть совершен ночью, что действительно создает особую сакральную атмосферу, о чем писал Д. Коэн, подчеркивая уникальность этого действия⁶⁶. Однако специфика все же не столь велика, как кажется на первый взгляд. Ошибка Д. Коэна, по моему мнению, заключается в том, что он связал непосредственно с самим актом *dictio te* требования, прежде всего *silentium*, которые в действительности относились к ауспикальной процедуре, предшествовавшей любому политическому акту. Ведь назначение диктатора совершалось сразу же после ауспий, в то время как в остальных случаях магистрат гадал по поводу тех своих действий, осуществление которых предполагалось наступающим днем. Отлагать же назначение диктатора до утра не было никакого смысла, ибо это было единоличное действие консула, и, соответственно, он мог его осуществить немедленно после ауспий. Что касается обычных ауспий, то магистраты, как и при *dictio dictatoris*, гадали также в одиночестве, если не считать пуллария – помощника при гадании. Например, в рассказе Ливия (X. 40. 2) консул 293 г. до н.э. Папирий, встав ночью в тишине (*silentium*), отправил пуллария совершить ауспий. Тот солгал о благоприятных знаках (*ibid.* 4), что осталось бы неизвестным, если бы между самими пуллариями не возник спор по поводу этих ауспий (*ibid.* 9).

Еще дальше, чем Д. Коэн, в поиске сакральной сути акта *dictio* пошел А. Магделен, причем свою мысль он сформулировал наподобие аксиомы, не прибегая к подробному анализу источников: «Консул не переносит свою власть на диктатора, чья (власть) больше. Касательно инвеституры диктатора, как и второго интеррекса, следует отбросить идею о передаче власти. *Dictio* при ауспийях передает диктатору ауспийи и *imperium* прямо от Юпитера»⁶⁷. Но как понимать идею А. Магделена о «юпитеровой инвеституре»: т.е. что власть получена непосредственно от Юпитера? Если отбросить красивую фразеологию, то речь должна идти о некоем обряде, совершение которого мыслилось как предоставление власти. При назначении диктатора таким обрядом является *dictio*. Из утверждения же А. Магделена вытекает, что устами консула, произносящего имя диктатора, ведал бог. Такая идея крайне необычна для римской религии, особенно в ее политическом аспекте, поэтому нуждается в гораздо более обширном обосновании, чем предложил французский ученый.

Стремясь доказать особый сакральный характер назначения диктатора, отличный от прочих магистратских актов, Д. Коэн сопоставил ритуал *dictio* с жреческой кооптацией⁶⁸. Но, как убедительно доказал Г. Зибер, работа которого оказалась неучтенной Д. Коэном, *dictio* никоим образом не может считаться кооптацией (подобно жреческой или трибунской), поскольку последняя осуществлялась коллегией, а избранный получал одинаковое положение с из-

⁶⁵ Liv. X. 40. 2; Fest. 474L, s.v. *silentio surgere*.

⁶⁶ Cohen. Op cit. P. 315–316. О магической (и даже мистической) процедуре, предшествовавшей получению диктаторской власти, писал А. Бернарди (*Bernardi A. Dagli ausiliari del «Rex» ai magistrati della «Respublica» // Athenaeum. (1952. 30. 1–2. P. 5. Not. 6, 35).*

⁶⁷ Magdelain. «Auspicia...». P. 358; *idem. Richerches sur l'imperium: la loi curiate et les auspices d'investiture. P. 1968. P. 28–29.* Некую форму божественной санкции, которая вооружала диктатора личной *auctoritas*, видел в *dictio* и Э. Стюарт Стэвели (*Staveley Stuart. The Constitution... P. 107; idem. The Fasces and Imperium Maius // Historia. 1963. 12. № 4. P. 465).*

⁶⁸ Cohen. Op cit. P. 316–317. С трибунской кооптацией сопоставлял назначение диктатора Т. Моммзен (*Römisches Staatsrecht. Bd 2. S. 154).*

бравшими его⁶⁹. В ряде случаев у жрецов имело место назначение со стороны одного лица – верховного понтифика, но оно касалось только царя священнодействий, фламинов и весталок, т.е. тех жрецов, которые подчинялись верховному понтифику⁷⁰. В случае же с диктатором консул назначал магистрата более высокого по рангу.

Кроме того, у жрецов и в случае назначения, и в случае кооптации имело место посвящение в сан (*inauguratio*)⁷¹, чего не было при назначении диктатора. Но по этому поводу иное мнение высказал А. Магделен, считавший, напротив, что между двумя названными актами – *inauguratio (sacerdotis)* и *dictio (dictatoris)* – имеются параллели (получение сана либо власти от Юпитера)⁷². На мой взгляд, различия, причем сущностные, слишком велики, а сходство – поверхностно и внешне, чтобы обойтись указанием на некоторые похожие черты этих ритуалов⁷³. Жреческая инаугурация проходила днем в присутствии коллегии понтификов на калатных комициях (*Labeo ap. Gell. XV. 27. 1*), подразумевала соучастие авгуров⁷⁴, в то время консул один проводил ауспicii в ночной тишине, после чего назначал диктатора. Каким образом консул объявлял затем имя назначенного им диктатора – не известно, но, видимо, такое объявление не предполагало в качестве обязательного элемента публичность, хотя и не исключало ее, как в упоминавшихся случаях соучастия народного собрания в этой процедуре. По крайней мере, при чтении рассказа Ливия и Диона Кассия о назначении диктатора в 310 г. до н.э. возникает впечатление, что консул Кв. Фабий объявил диктатором своего личного врага только сенатскому посольству (*Liv. IX. 38. 14; Dio Cass. VIII. 36. 26*). Назначение диктатора втайне от народа с ведома только сената подчеркнуто в истории Спурия Мелия⁷⁵. Все это явно отличается от торжественной процедуры инаугурации. Еще одним важным отличием являются результаты актов *dictio* и *inauguratio*: в первом случае предоставляли политическую должность на срок не более шести месяцев, во втором – жреческое достоинство пожизненно, поэтому известен противоположный ритуал *exauguratio*⁷⁶.

⁶⁹ *Siber. Op. cit. S. 105.*

⁷⁰ Источники и анализ см.: Жреческие коллегии в Раннем Риме. М., 2001. С. 106–110.

⁷¹ Общая формулировка: *Cic. Leg. II. 21; Dionys. II. 22. 3*. Отдельные жрецы: *Cic. Brut. 1; Phil. II. 110; Liv. XXVII. 8. 4–5; 36. 5; XXIX. 38. 6; XXX. 26. 10; XXXIII. 44. 3; XXXVII. 47. 8; XL. 42. 8; 10; 11; XLI. 28. 7; XLV. 15. 10; Dionys. II. 73. 3; Suet. Calig. XII. 1; Gell. XV. 27. 1; Macr. Sat. III. 13. 11; Gai. I. 130; III. 114; Ulp. Fr. X. 5; SHA. IV. 4. 4*. Подробный анализ проблем, связанных с жреческой инаугурацией, см. *Catalano P. Contributi allo studio del diritto augurale. Torino, 1960. P. 211–246.*

⁷² *Magdelain. «Auspicia...». P. 358.*

⁷³ Критику взглядов А. Магделена (с иной аргументацией, чем приведена мною далее) см. *Sini. Op. cit. P. 413, 423–424.*

⁷⁴ *Cic. Leg. II. 21; Phil. II. 110; Brut. 1; Liv. I. 18. 6–10; Dionys. II. 22. 3; V. 1. 4; Macr. Sat. III. 13. 11; Fest. P. 462L, s.v. Saturno.*

⁷⁵ *Liv. IV. 13. 10–14; 14. 1–2; Dionys. XII. 1. 13–15; 2. 1–4; Zon. VII. 20.*

⁷⁶ Весталки: *Gell. VII. 7. 4; Cato ap. Fest. P. 277L. 15–16* (возможно). Салии: *SHA. IV. 4. 4; CIL. VI. 1978. 13*. У салиев и весталок было принято по достижении определенного возраста слагать жреческий сан (хотя не возбранялось и сохранять его). Поэтому не удивительно, что прямо эксаугурация упомянута в источниках именно для этих жрецов. Об инаугурации весталок, отвергаемой рядом исследователей (А. Bouché-Leclercq, G. Wissowa), см. *Catalano. Contributi... P. 215–219*. Остальные жрецы оставались на своих должностях пожизненно, если не совершали преступления или ритуальной ошибки (*Liv. XXVI. 23. 8; Plut. Marcel. 5; QR. 99; Val. Max. I. 1. 4; 5*), так что и у них должен был иметься какой-то ритуал сложения религиозных обязанностей, который, по обратной аналогии с ритуалом *inauguratio*, вполне мог называться *exauguratio*. См. *Catalano. Contributi... P. 329–334.*

Стремясь найти объяснение акту *dictio* через аналогичные действия А. Магделен также обратил внимание на сходство назначения диктатора и второго (и каждого следующего) интеррекса⁷⁷. В обоих случаях магистрат единолично назначает другого магистрата. Однако и здесь различия весьма велики, так что опять можно говорить лишь о внешнем сходстве. Ведь консул, назначая диктатора, назначал большую власть, что уникально, а интеррекс – равную, как и при избрании консулом консулов. Кроме того, первого интеррекса все-таки каким-то образом избирала (процедура в деталях неизвестна⁷⁸) патрицианская часть сената. Такое избрание является уникальной чертой, отличающей избрание первого интеррекса и от назначения диктатора, и от избрания консулов. На мой взгляд, как раз между двумя последними процедурами существует внутреннее единство при внешнем отличии выборов от назначения. Ведь принцип народного выбора не возник одновременно со свержением царской власти, а развивался постепенно, но так и не получил полного воплощения⁷⁹. Определяющую роль на электоральных комициях играл проводивший их магистрат, даже в конце Республики, когда произвол руководителя комиций во многом был ограничен законодательно. Ведь он мог отвернуть кандидата, не учитывать поданные за него голоса, а главное – только формальное объявление имени победителя (*renuntiatio*) давало юридическую силу народному выбору⁸⁰. Соответственно, *dictio* и *renuntiatio* по сути были аналогичными актами, являясь единоличным назначением преемника во власти. О единой сути этих актов свидетельствует также избрание диктатора в 210 г. до н.э. (как, видимо, и в 217 г. до н.э.⁸¹), весьма схожее с обычной электоральной процедурой: комиции назвали кандидата, а консул объявил его диктатором⁸². Никакой чрезвычайной ситуации, которая заставила бы отказаться от традиционного назначения, в 210 г. до н.э. не существовало: оба консула были в пределах досягаемости, и оба приняли то или иное участие в этих событиях. Причины обращения сената к фактическому избранию диктатора неизвестны, но в целом политическое руководство Римской республики (за исключением одного из консулов) признало такую процедуру легитимной.

Получение магистратской власти было сопряжено с получением права на общественные auspicii. Будучи назначен, диктатор проводил через куриатное собрание закон о своем империи⁸³, подобно другим магистратам с империи-

⁷⁷ *Magdelain*. «Auspicia...». P. 358.

⁷⁸ О ней см. *Дементьева В.В.* Римское республиканское междуцарствие как политический институт. М., 1998. С. 73–77.

⁷⁹ *Mommsen Th.* Römisches Staatsrecht. Bd 1. Aufl. 3. Lpz, 1887. S. 470–472; *Lange*. Op. cit. S. 612; *Brassloff St.* Creatio // RE. Halbbd 8. 1901. Sp. 1686; *De Martino Fr.* Storia della costituzione romana. Vol. I. Napoli, 1951. P. 230; *Meyer Chr.* Praerogativa centuria // RE. Supplbd 8. 1956. Sp. 586; *De Francisci*. Op. cit. P. 406–425; *Meyer*. Op. cit. S. 66–67; *Magdelain*. Richerches... P. 34–35; *Kunkel*. Op. cit. S. 351; *Heuss*. Op. cit. S. 442; *Jahn*. Op. cit. P. 10; *Дементьева*. Магистратура диктатора... С. 52–53.

⁸⁰ *Val. Max.* III. 8. 3; *Vell. Paterc.* II. 92. 4. Ср.: *Liv.* III. 21. 6–8; VII. 22. 7–8; VIII. 15. 9; IX. 34. 25; 46. 2; X. 15. 10–11; XXIV. 7. 11 – 9. 3; XXVI. 22. 2–13; XXXIX. 39. 4, 5, 12; Per. 80; *Cic.* Pro Mur. 1; *Brut.* 55; *Gell.* VII. 9. 3. Подробное исследование вопросов, связанных с ролью руководителя электоральных комиций, см. *Rilinger R.* Der Einfluss des Wahlleiters bei den römischen Consulwahlen von 366 bis 50 v. Chr. München, 1976 (bes. S. 144–151, 174–186).

⁸¹ *Liv.* XXII. 8. 5–6; ср. *Polyb.* III. 87. 6; 9 (Ρωμαῖοι δὲ δῖκτᾶτορα μὲν κατέστησαν).

⁸² *Liv.* XXVII. 5. 14–19; *Plut.* Marcel. 24–25.

⁸³ *Liv.* IX. 38. 15; 39. 1. Ср.: *Dionys.* V. 70. 4 (δῆμος ἐπιψηφίστηται).

ем⁸⁴. Вопрос о передаче по этому закону права на общественные ауспиции в историографии решается неоднозначно⁸⁵, но в любом случае здесь нет речи о какой-либо специфической черте, характерной только для диктаторской власти. По всей видимости, диктаторы получали право на общественные ауспиции вследствие акта *dictio*, ибо сразу после него, еще до принятия закона об империи, диктатор при совершении соответствующих ауспиций назначал начальника конницы⁸⁶. Хотя смысл и цели куриатного закона остаются неясными, все же так или иначе в нем отражена идея если не избрания, то по крайней мере утверждения магистратской власти со стороны гражданского коллектива, что опять уменьшает различие между процедурами назначения (диктатора) и избрания (консула).

Таким образом, сакральное содержание акта *dictio*, на мой взгляд, вряд ли имело какие-то принципиальные особенности по сравнению с любым другим магистратским, прежде всего консульским, актом.

Проблема, требующая объяснения, заключается в том, что процедура назначения диктатора обычным порядком, т.е. через консула, противоречила сакральному и государственному праву, поскольку меньшая власть назначала большую, что было недопустимо при избрании магистратов. По этой причине претор не имел права проводить выборы консулов, на что указывали Г. Семпроний Тудитан (консул 129 г. до н.э.) в «Книге о магистратах»⁸⁷ и Цицерон⁸⁸. Цицерон ссылался на авгурские книги, а Г. Тудитана цитировал М. Мессала, авгур с 55-летним стажем (*Macr. Sat. I. 9. 14*), в «Книге об ауспициях» (*ap. Gell. XIII. 15. 3–4*), т.е. указанное требование имело отношение к сакральному праву. А в том, что империй диктатора больше консульского, подобно тому как консульский больше преторского и диктатор может приказывать консулу⁸⁹, сомнений нет⁹⁰. И хотя Цицерона можно заподозрить в политической пристрастности, – ведь вопрос возник из-за желания Цезаря быть избранным с помощью претора, поскольку консулы оказались на стороне Помпея, – но авгурские книги, как и сочинение Г. Тудитана (вторая половина II в. до н.э.), подтверждают традиционность и объективность данного требования⁹¹. Претор не имел права избирать даже равных себе магистратов⁹².

⁸⁴ *Cic. Leg. Agr. II. 26–30; Ad Att. IV. 17. 2; Ad Q. fr. III. 2. 3; Ad fam. I. 9. 25; Caes. BC. I. 6. 6; Gell. XIII. 15. 4; Dio Cass. XLI. 43. 3. Ср.: Tac. Ann. XI. 22.*

⁸⁵ Историографию см. *Сморчков А.М.* Куриатный закон об империи и ауспиции магистратов // *Древнее право.* 2003. № 1(11). С. 26; *он же.* Сакральные ограничения консульского империя // *ВДИ.* 2006. № 4. С. 154. Прим. 2.

⁸⁶ *Liv. III. 27. 1; IX. 38. 15; ср. Plut. Marcel. 5.*

⁸⁷ *Gell. XIII. 15. 4 (ср. Macr. Sat. I. 13. 21): a minore imperio maius... rogari iure non potest.*

⁸⁸ *Cic. Ad Att. IX. 9. 3 (ср. 15. 2): maius imperium a minore rogari non sit ius.*

⁸⁹ *Liv. II. 18. 6; III. 29. 1–3; IV. 27. 1; 41. 11; V. 9. 6–7; VII. 11. 5; 25. 11; VIII. 32. 3 (ср. VI. 38. 3); XXII. 11. 5–6; XXX. 24. 2–3; Plut. Fab. 4; ILS. 212. I. 28–29; D. I. 2. 2. 18. Ср.: Cic. Leg. III. 9.*

⁹⁰ Краткий и ясный анализ см. *Last H.* Imperium maius: a note // *JRS.* 1947. 37. P. 159.

⁹¹ Дж. Линдерски призывает воспринимать ссылку Цицерона на ритуальные книги авгуров *cum grano salis* и обращает внимание на то, что Цицерон и Мессала подчеркивали авторитет обычая и традиции: *Linderski J.* The Augural Law // *ANRW.* II. Bd 16. Teilbd 3. В.–N.Y., 1986. P. 2182. Вряд ли подобный скептицизм оправдан, когда речь идет о религиозных вопросах, где именно традиция имеет преобладающее значение, а письменные документы призваны лишь объяснять и обосновывать ее.

⁹² *Cic. Ad Att. IX. 9. 3; Gell. XIII. 15. 4.*

Насколько я могу судить, в историографии не было обращено должного внимания на несоответствие процедуры назначения диктатора указанному требованию сакрального права⁹³. Не комментировалось оно и античными авторами, хотя необходимость этого, казалось бы, очевидна. Цицерон, рассуждая в одном письме Аттику о незаконности избрания консулов или назначения диктатора через претора (Ad Att. IX. 15. 2), чуть ранее в другом письме по поводу первого варианта дает необходимое пояснения: «...(у претора) нет права (предлагать для избрания) консулов потому, что нельзя избирать больший империй посредством меньшего...» (ibid. 9. 3). Но по поводу назначения диктатора, где ситуация с империем точно такая же даже в случае участия консула, он не счел необходимым написать какой-либо комментарий, хотя в итоге Цезарь, из-за которого Цицерон и обратился к этой теме, предпочел нарушить обычай по второму варианту: в конце 49 г. до н.э. претор М. Эмилий Лепид объявил его диктатором (Caes. BC. II. 21. 5; Dio Cass. XLIII. 1. 1). На незаконность (παρά τὰ πάτρια) состоявшегося назначения обратил внимание и Дион Кассий (XLI. 36. 1).

Странно, но никто из античных писателей не вспомнил о прецеденте, некогда имевшем место, – даже Цезарь, весьма заинтересованный в легализации своего назначения, сомнительного в сакральном и правовом отношении. Конечно, речь идет о весьма древних событиях, и, возможно, о них просто забыли, но прецедент этот очень интересен. Ведь точно так же, как в 49 г. до н.э., в 217 г. до н.э. на народном собрании (скорее всего центуриатном) избрали диктатором Кв. Фабия Максима. Кто созвал комиции и поставил вопрос на голосование – Ливий, как ни странно, не сообщает, хотя его рассказ об этих событиях весьма подробен, в частности он называет имя претора, объявившего народу о поражении при Тразименском озере (Liv. XII. 7. 8, см. также Plut. Fab. 3). Ввиду отсутствия консулов созвать комиции должен был городской претор⁹⁴. И он же, соответственно, объявил имя диктатора, что было ключевым актом в процедуре назначения диктатора. Плебейский трибун мог созвать народное собрание (трибутное) и провести выборы, но никак не объявить – тем самым назначить – магистрата с империем. Это имел право сделать только магистрат, также обладающий империем. Поэтому в 210 г. до н.э. в схожей ситуации трибутные комиции, созванные трибуном, только назвали имя угодного кандидата, но диктатором его объявил консул Марцелл (Liv. XXVII. 5. 17–19).

Ряд исследователей считает, что в 217 г. до н.э. выборы провел интеррекс, которым мог быть даже сам Кв. Фабий Максим⁹⁵. Эта гипотеза исходит, в первую очередь, из обозначения магистратуры Кв. Фабия в фастах как *dictator interregni causa* (CIL. I. Ed. 2. P. 23). Однако уникальность указанной титулатуры ставит больше вопросов, чем решает проблем. Деятельность Кв. Фабия ясно показывает, что он был назначен диктатором *rei gerundae causa*. М. Гуссо

⁹³ Констатацию факта, но без анализа и объяснения, см. *Herzog*. Op. cit. Bd 1. S. 725; *Hägerström*. Op. cit. S. 9; *Bernardi*. Op. cit. P. 5. Not. 6 (со ссылкой на *Tibiletti*); *Linderski*. Op. cit. P. 2181; *Stewart R.* Public Office in Early Rome. Ann Arbor, 1998. P. 112.

⁹⁴ *Mommsen*. Römische Staatsrecht. Bd 2. S. 147, 150; *Lange*. Op. cit. Bd 1. S. 753; *Sieber*. Op. cit. S. 209; *Lippold A.* Consules. Bonn, 1963. S. 151. Anm. 306; *Jahn*. Op. cit. S. 116.

⁹⁵ *Castello C.* Intorno alla legimità della lex Valeria de Sulla dictatore // Studi in onore di P. De Francisci. Vol. III. Milano, 1956. P. 42–44. Not. 1; *Sumner G.V.* Elections at Rome in 217 B.C. // Phoenix. 1975. 29. № 3. P. 254–256; *Gusso*. Op. cit. P. 291–333 (более подробная историография – P. 319. Not. 136).

предположил, что более корректной формой было бы *dictator ex interregno*, т.е. «диктатор, назначенный посредством (на основании) интеррегнума»⁹⁶. Но в такой форме титулатура диктатора никогда и нигде не употреблялась, т.е. уникальность ее усугубляется. Собственно, речь должна идти о причинах, по которым редактор фаст в эпоху Августа прибег к вышеназванной уникальной формуле, но здесь невозможно выйти из области гипотез. Конечно, хотя избрание диктатора через интеррекса также являлось нарушением «конституционной» традиции, все же такой выход из сложившейся в 217 г. до н.э. сложной ситуации выглядит даже логичнее, ибо целью интеррегнума было как раз восстановление отсутствующей высшей власти. Отсутствием формальных условий для интеррегнума в той ситуации могли, само собой, и пренебречь, впрочем, как и названными логическими соображениями. Решения, принимавшиеся под давлением суровых обстоятельств II Пунической войны, зачастую были безупречны с точки зрения религии и права, но известно, как римляне умели согласовывать консервативные религиозные нормы с требованиями момента. Поэтому ссылка на кризисную ситуацию, при всей своей оправданности, не может служить универсальным и единственным объяснением, тем более что такие ситуации провоцируют взрыв консервативных настроений и обращение к традиционным ценностям, в которых видят опору и спасение⁹⁷.

Окончательное решение вопроса вряд ли возможно, к тому же его подробное рассмотрение выходит за рамки проблематики моего исследования. «Преторский» вариант интересен в теоретическом плане ввиду поставленного выше вопроса о назначении меньшей властью большей. В пользу этого варианта говорит и то, что участие претора предполагалось в постановлении сената по поводу избрания диктатора в 210 г. до н.э.: «...сенат постановил, чтобы консул... спросил народ, кого угодно назначить диктатором, и того, кого народ прикажет, назначил диктатором; если консул откажется, пусть претор спросит народ...» (Liv. XXVII. 5. 16, ср. 17). В обоих случаях (в 217 и 210 гг. до н.э.) кандидатуры были выдвинуты сенатом. С политической стороны его действия понятны – утверждение (вполне формальное) кандидатуры на народном собрании призвано было сплотить народ вокруг общепризнанного лидера. В случае единоличного назначения со стороны претора эта цель не достигалась бы. Кроме того, неизбежное (в 217 г. до н.э.) нарушение сакрального права и «конституционной» традиции оказалось, благодаря обращению к народному собранию, санкционированным со стороны гражданского коллектива, что уменьшало негативные (в религиозном и политическом отношении) последствия этого вынужденного шага. Но при этом все предварительные этапы, в том числе и новый в виде комиций, никак не нарушали сакральное и государственное право, ибо единственным юридически и религиозно признанным этапом был акт объявления имени диктатора (*dictio*), что, собственно, и означало вручение ему полномочий. Только этот акт, как уже отмечалось, мог быть оспорен по религиозным основаниям. Поэтому именно от него требовалось соответствие сакральному праву и неписанной римской «конституции». По всей видимости, обращение к претору (если принять этот вариант

⁹⁶ Gusso. Op. cit. P. 298–299 (ср. 318–319).

⁹⁷ Это, само собой, не исключает обращения разочаровавшейся части общества к иным, новым, ценностям и моделям поведения – примеры в изобилии дает история той же II Пунической войны.

развития событий) в чрезвычайной ситуации при отсутствии консулов объясняется тем, что преторы считались коллегами консулов, ибо избирались при тех же auspiciis⁹⁸. Следовательно, нарушение сакральной традиции легче можно было согласовать с требованиями религии. Учрежденная в 367 г. до н.э. претура, будь она отдельной, самостоятельной магистратурой, нарушала бы принцип коллегиальности, поскольку первоначально избирался только один претор. Поэтому он вместе с консулами составлял единую коллегию. На первых порах престиж консулата и претуры был примерно одинаков, и нередко бывшие консулы избирались преторами. Но постепенно престиж претуры падал по мере дистанцирования ее от консулата, в том числе благодаря превращению в подлинно коллегиальную магистратуру после увеличения числа преторов⁹⁹. В итоге они превратились фактически в «младших» коллег консулов, что было закреплено законом Виллия (180 г. до н.э.), установившем порядок прохождения должностей (*cursus honorum*). Такого рода эволюция, по всей видимости, и обусловила запрет на осуществление претором консульских электоральных функций.

Исключительное право консулов на осуществление акта *dictio*¹⁰⁰, на мой взгляд, объясняется особым положением первоначальной республиканской магистратуры, позднее названной консулатом. Она не просто сменила царскую власть, но и стала ее преемницей, в том числе в сакрально-политическом отношении. Именно от нее, сначала единственной и неделимой, затем «отпочковывались» другие магистратуры (цензура, претура, курульный эдилитет) либо ее служители поднялись до статуса магистратов (квесторы). Относительно происхождения диктатуры в науке идет оживленная дискуссия¹⁰¹, но нельзя не заметить, что античная историография, при всех колебаниях по поводу первого диктатора, единодушно относит учреждение этой магистратуры ко времени после учреждения Республики. Таким образом, диктатура также оказывается «эманацией» первичной республиканской власти, воспринимаясь как объединенная власть двух консулов (и являясь таковой), а не как нечто принципиально новое. Цицерон в составленном им своеобразной «конституции» Римской республики четко отразил эту важную черту диктаторской власти: *idem iuris quod duo consules teneto* (Leg. III. 9). О том же свидетельствует термин *praetor maximus* в упоминавшемся древнем законе касательно ритуала «вбития гвоздя», если согласиться с утверждением Ливия, что он обозначал и консула, и диктатора, поскольку его империй выше консульского (Liv. VII. 3. 5; 8). Консулы действительно сначала назывались преторами¹⁰², соответственно к диктатуре Ливий применил тот же термин, что и к консула-

⁹⁸ Cic. Ad Att. IX. 9. 3; Liv. III. 55. 11; VII. 1. 6; VIII. 32. 3; Messalla ap. Gell. XIII. 15. 4; 6; Plin. Paneg. 77. Но ср.: Val. Max. II. 8. 2; Serv. Ad Aen. IV. 103. О соотношении консульской и преторской компетенции см. Last. Op. cit. P. 157–159; Ehrenberg V. *Imperium maius in the Roman Republic* // AJPh. 1953. 74. 2. P. 114–115; Staveley Stuart. *The Fasces...* P. 469–471.

⁹⁹ Анализ этой эволюции см. Sohlberg. Op. cit. P. 257–262; Stewart. Op. cit. P. 208–210.

¹⁰⁰ Liv. IV. 31. 4; XXII. 8. 5; 31. 9. Плутарх (Marcel. 24), несомненно, ошибался, приписывая преторам (οἱ στρατηγοὶ) право назначения диктатора, – возможно, в силу сходства греческих терминов для обозначения консулов и преторов.

¹⁰¹ О ней см. Дементьева. Магистратура диктатора... С. 21–38.

¹⁰² Liv. III. 55. 12; Fest. P. 249L, s.v. praetoria porta; Zon. VII. 19. Ср.: Cic. Leg. III. 8; Varro ap. Nonius. P. 35L, 23M, s.v. consulum. Основные сведения см. Mommsen. *Römisches Staatsrecht*. Bd 2. S. 74–76.

ту¹⁰³. Таким образом, именно консулат имел особое сакральное значение для политической системы республиканского Рима, чем определялось признаваемое в качестве нормы исключительное право консулов назначать диктаторов независимо от соотношения властных полномочий этих магистратур.

Таким образом, проведенный анализ показывает, что рассмотренные сакральные полномочия диктаторов не представляли собой нечто особенное и уникальное, принципиально отличное от сакральных обязанностей высших ординарных магистратов. Некоторые другие полномочия диктаторского империя, имевшие сакральный характер, прямо повторяли таковые у ординарных магистратов – ауспиции, обеты, дедикации и т.п. При всех своих особенностях все же и процедура назначения диктатора не имела принципиальных отличий в сакральном отношении. Конечно, большая власть всегда вызывает большее уважение и страх, в которых присутствует и религиозная сторона. Но это не всегда говорит о сакральном, магическом и т.п. характере самой власти, даже если ее носители выполняют соответствующие функции. Относится это и к диктатуре. Отсутствие ясных и бесспорных указаний на магическое содержание и восприятие магистратской власти при Республике в значительной степени объясняется сознательной политикой римской элиты по некоторой, если можно так выразиться, «десакрализации» управления, что было вызвано логикой борьбы с царской властью, имевшей ярко выраженный сакральный характер и значительные религиозные функции. Определенную лепту в этот процесс внесло и патрицианско-плебейское противостояние, развитие тех тенденций, которые привели к формированию *civitas*.

SACRAL ASPECTS OF EARLY REPUBLICAN DICTATORSHIP

A. M. Smorchkov

The article deals with two problems: the character of dictatorship with religious purposes (especially *clavi figendi causa*) and the sacral content of *dictio*. The research has shown that religious tasks fulfilled by dictators belonged to the consul's competence, as well as in other cases of dictatorship *imminuto iure*. This can also apply to the rite of «driving a nail», an extraordinary magical ritual. Its association to the dictator's power was due to a precedent fixed because of the sacral principle *post hoc ergo propter hoc*. Religious requirements during *dictio* referred not to *dictio* itself but to the auspices preceding it. Essentially, the act of *dictio* did not differ from that of *renuntiatio* of the winner at the electoral *comitia*. It has nothing to do either with the cooptation or with the inauguration of a priest. The sacral content of *dictio* was in principle like any other action of the consul. Consuls' exclusive right to appoint dictators can be explained by the original sacral and political status of this republican magistrate as successor to the royal power. The absence of clear and definite data as to the magical content or perception of magistrates' power is due to the processes which had first led to the expulsion of the kings and then to the development of *civitas*.

¹⁰³ На это обратил внимание еще Э. Герцог, видя здесь подтверждение единой природы консулата и диктатуры (Op. cit. Bd 1. S. 722). Следует отметить, что вопрос о достоверности этой информации Ливия решается в историографии неоднозначно. Многие исследователи соглашались с Ливием, прежде всего те, кто видит в диктатуре переходный этап от царской власти к консульской (историографию см. Luzzatto. Op. cit. P. 429. Not. 3; Meyer. Op. cit. S. 41. Anm. 8. S. 478–479; Дементьева. Магистратура диктатора... С. 27–28). Оппоненты (например, Luzzatto. Op. cit. P. 415) указывают на уникальность данного свидетельства, а также на то, что первоначально для обозначения диктатора служил термин *magister populi*, зафиксированный в авгурских книгах (см. прим. 55).